

Е. Э. Сурова, М. А. Васильева

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕСЕРИЙНОГО В ПРАКТИКЕ HANDMADE

В статье рассматривается один из интересных аспектов реализации handmade как современного досугового проекта. Будучи многогранным и ярким явлением, проект handmade актуализирует целый ряд вопросов и сюжетов, значимых для современной культуры. Авторы фокусируют свое внимание на особом статусе handmade-изделия, который оказывается важен для социокультурного порядка при взаимодействиях различного рода. Рукотворность противопоставляется массовому производству, и эта позиция, по мнению авторов, становится принципом, своеобразным культурным вызовом. Репрезентация несерийности, уникальности, персонифицированности анализируется в этой статье как неотъемлемая черта современного рукоделия, вокруг которой выстраиваются коммуникационные и идентификационные практики. Авторы исследуют основной способ достижения этого статуса handmade-изделия и его репрезентацию в актах коммуникации и дарения, обращаясь к различным специфическим характеристикам. Статья содержит рассмотрение актуальных в современной ситуации вопросов о коммуникации и репрезентационных стратегиях. Библиогр. 9 назв.

Ключевые слова: handmade, репрезентация, персонификация, уникальность, дарение, дар, дефект, стигма, коммуникация.

E. E. Surova, M. A. Vasilyeva

REPRESENTATION OF NON-SERIALITY IN HANDMADE PRACTICEE

This paper discusses an interesting aspect of handmade realization as a modern hobby-project. As a many-sided phenomenon, the handmade project actualizes several questions and features of modern culture. In this paper authors focus their attention on the special status of hand-made product that becomes very important for social and cultural interactions of different types. A man-made thing is opposite to the mass-production and this position for authors' opinion became a special cultural point. Representation of non-seriality, uniqueness, personification is analyzed in this paper as an inherent feature of modern handiwork and also as the basis for communication and identification practices. Authors research the main way of getting this special status for a handmade product and its representation in communication and gift-giving acts, they apply to several specific characteristics. In particular, the most effective method of marking a handmade product is leaving a tiny defect which can be researched in terms of stigma-theory by E. Goffman. This defect puts the thing in opposition to the world of ideal machine-produced objects and becomes evidence of its origin, a marker of a man-partaking which feeds a very popular now "cozy", "sweet", "personal" image. Authors also apply to other interesting features of hand-made aesthetic that are represented in the info-sphere such as therapy, "diet precepts", etc. They consider that handmade product is very significant and represents individual and community identity, constructs and marks relations. Since handmade products usually are produced to be given as a gift, this moment is researched in the paper with references to classic and modern works on gift economy. The article contents research of actual in modern situation questions

Сурова Екатерина Эдуардовна — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; esurova2005@mail.ru

Васильева Марина Александровна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; ma.vasilyeva@gmail.com

Surova Ekaterina E. — PhD, Associate Professor St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; esurova2005@mail.ru

Vasilyeva Marina A. — Postgraduate student, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; ma.vasilyeva@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

about communication and representation strategies. It is a part of the authors' research of handmade project in modern Russian culture. Refs 9.

Keywords: handmade, representation, personification, uniqueness, gift-giving, gift, defect, stigma, communication.

Анализ культурной действительности подразумевает рассмотрение специфических видов деятельности, определяющих ее своеобразие. Для современной культуры такими видами деятельности являются различные досуговые практики. В частности, среди множества современных проектов досуга в отечественном культурном пространстве особенно интересен *handmade*¹.

Завоевав популярность в качестве хобби, *handmade* стал культурным явлением, порождающим новые для современной культуры сюжеты. Во-первых, речь идет об особой ценности ручного производства в современной культуре серийной штамповки. Во-вторых, *handmade* вполне справедливо может рассматриваться как способ реализации особой позиции индивида по отношению к миру повседневности. В-третьих, можно говорить о формировании особой коммуникативной среды вокруг *handmade*: анализ социальных взаимодействий, выстраивающихся вокруг него, позволяет оценить механизм реализации досугового проекта в современной культуре.

Кроме того, *handmade* представляет собой уже целую коммерческую индустрию, которая парадоксально совмещает в себе массовое производство материалов со стремлением к единичности и несерийности. *Handmade* предполагает активное использование заготовок и сложных материалов, произведенных отнюдь не вручную, а также шаблонов и инструкций. В рамках проекта реализуется творческое начало индивида при интенсивном развитии массового производства и потребления.

Есть еще целый ряд глубинных сюжетов, которые можно рассмотреть в связи с *handmade*: позиция авторства и творчества в современной ситуации; влияние деятельности на процесс идентификации человека, реализация неэкономического подхода к вещам и деятельности в современной культуре — все эти моменты интересны и необходимы для общего понимания специфики современных культурных процессов.

В предлагаемом исследовании мы остановимся на статусе вещи в *handmade*. Основной задачей данной статьи, таким образом, является исследование *handmade*-проекта по отношению к продукту, создаваемому в процессе деятельности. Особенно интересными нам видятся вопросы, связанные с приобретением и репрезентацией изделия особого статуса несерийной вещи, которая входит в круг повседневности и становится точкой, конструирующей коммуникативное пространство.

¹ Английское слово "handmade" («сделанный вручную») — это прилагательное, активно используемое сегодня в русском языке. За 10–15 лет циркулирования в отечественной культурной среде оно приобрело особые коннотации и несколько расширило свое значение, в частности, стало употребляться как существительное, обозначающее современное рукоделие со всей его спецификой. В рамках данного исследования термин "handmade" предлагается понимать как комплексное явление — хобби, практику по созданию изделий, формирующую вокруг себя коммуникационное пространство, а также сопутствующую индустриальную поддержку массового производства материалов и заготовок. Более подробно отличие современного варианта рукоделия — *handmade* — от традиционного представлено в статье Е. Э. Суровой, М. А. Васильевой «Явление *handmade*: досуговый проект в современной культуре» [1].

Зачастую handmade в ходе создания произведения не предполагает каких-то выдающихся талантов исполнителя. Это характерно для ручного труда вообще. Созданные посредством него изделия отличаются от производимых серийно некоторым несовершенством. Хорошей иллюстрацией к этой мысли может послужить «подслушанный» диалог мамы с сыном в Эрмитаже, возле витрины со средневековой керамикой, расписанной вручную. Сына, которому на вид около десяти лет, удивляет неровность, несовершенство изделий, тогда как его мама находит в этом доказательство ручной работы, а потому и подлинности, ценности. Немного неровный шов, неидеально подобранная по цвету нитка, не совсем продуманная композиция росписи — черты несовершенства, «дефективности», которые не мешают радоваться вещи, но лишь доказывают ее уникальность.

В этом плане дефект в современной культуре выполняет новую роль. Традиционно это понятие предполагает несовершенство негативного порядка. В современном рассмотрении он становится «изюминкой», той особенностью объекта, которая претендует на уникальность. Для handmade это может быть «состаривание», использование кракелюров для уничтожения безукоризненной гладкости, искривление, искажение формы, неровность цвета и пр.

Дефект также снимает коммуникативное напряжение «высокого стиля», позволяя творцу и зрителю в несовершенстве жизни как таковой найти сближающие изъяны. Аналогично идеям, выдвинутым в философии языка [2, с. 99–116], можно в данном случае отметить также и то, что «ошибка» фиксирует смысл или в принципе его создает. Мы имеем в виду провокацию к общению, генерируемую намеренным дефектом, принципиально отличающимся от непредсказуемого, неожиданного изъяна. Дело в том, что обычным в современной ситуации является восприятие отточенной формы, что снимает нагрузку оценивания со зрителя. Таковой (зритель) подготовлен заведомо, и получение ожидаемого результата не требует прояснения и обсуждения. При появлении дефекта возникает повод для рефлексии.

Современный мир — это мир идеальных вещей, в котором заданные стандарты заведомо воспринимаются как естественные, несмотря на их производственный характер. Незначительные внешние недочеты (часто непреднамеренные для ручного производства и дизайнерские — для промышленного) выступают «зацепкой» для осмысления. «Дефект» становится смысловой точкой, служащей основанием для построения репрезентативных систем. Еще одним моментом, рождающимся из вышесказанного, является то, что сам дефект начинает производиться как результат творческого усилия, предполагая ценность «кривизны» как особого дизайнерского решения. В этом плане к «дефективности» обращается даже серийный дизайн, претендуя на создание доступного «домашнего» / частного образа.

Значимость повседневности в современном социокультурном пространстве повышает ценность обыденных моментов. Индивид стремится не просто к комфортности, но к одомашниванию, освоению мира, где каждая вещь референтна собственному. Современный handmade, как деятельность и проект, концентрируется на процессе создания изделий и факте причастности человека к их появлению. Рождается и соотносимость несовершенства «Я» и «предметной явленности». В силу этого возникает аллюзия к «системе вещей» Ж. Бодрийера [3], где вещи смотрят на нас, поскольку мы глядим на них. Но в пространстве креативного сози-

дания вещь чувственно переживаема как уникальная, поэтому дефект становится своеобразным маркером очеловеченного и единичного, элитарного. В этом также проявляется и принципиальное противопоставление handmade массовому производству, в котором неидеальным вещам просто не остается места. Несимметричность, неоднородность покраски и пр. в серийном производстве встречаются лишь как элементы дизайна, тогда как для handmade-дефект одновременно остается «недоработкой» и получает более весомый статус, повышая ценность всей вещи. Незавершенность выступает здесь претензией: чтобы творение осталось в вечности, оно должно быть не завершено.

Сегодня в нашей культуре существуют довольно высокие требования к форме, разделяя предметные миры на осмысленный и необходимый. Для первого игра, испытание формы на несовершенство вполне уместны. Для второго форма проста в своей безукоризненности и повторяемости. Массовое производство, помимо прочего, сделало сами необходимые вещи доступными.

За достижением высоких стандартов качества возникает потребность альтернативы. Дыра в одежде, распускающаяся ткань и т. п. могут восприниматься как недостаток, недочет, а могут — как модное оформление, таящее в себе особый шарм. В промышленном производстве такие дефекты начинают «эксплуатироваться» для создания иллюзии ручной работы².

В целом незначительные визуальные дефекты, которые не мешают функциональности предмета, становятся маркерами «причастности человеческих рук». Понятие дефекта в таком рассмотрении отсылает к хорошо известному термину «стигма» (введен И. Гофманом [4]) как визуальному маркеру несоответствия норме. При этом термин позволяет снять негативные коннотации и рассматривать это несоответствие с нейтральной позиции. Стигма дефекта интерпретируется как приятательный «предметный порок», она соблазняет возможными интерпретациями.

С помощью handmade изделий репрезентируется особое отношение к вещам, потреблению и даже традициям, но все же их главная «задача» заключается в создании и репрезентации уникального образа человека и его предметного окружения. Дефект играет в этом процессе существенную роль, поскольку именно с его помощью вещи обретают уникальность и персонифицируются. К тому же подобная стигма оказывается наиболее простым и действенным способом достижения уникальности.

Handmade-изделия не только сами маркируются через дефект, но и становятся объектами репрезентации идентичности автора-владельца, который позиционирует свое присутствие в мире как вызов, разрушающий статичную симфоничность гармонии конвейера. Человек, окружающий себя «ненормальными» вещами, заявляет о своей «ненормальности», хотя такой «вызов» часто оказывается фикцией, всего лишь простым следованием модной тенденции. В качестве примера можно обратиться к культуре фриков. Это явление не имеет жестких границ, и, характеризуя его, многие авторы интернет-пространства отмечают единственную его безусловную черту: «Не фрики — жертвы моды, а мода — жертва фриков» [5, с. 100–103].

Интерес к уникальным handmade-изделиям определяет и спрос на них. Производство вещей, если речь не идет о создании произведений «чистого» искусства,

² Например, компания «Пека» часто использует этот прием в дизайне домашнего декора.

преимущественно имеет под собой определенный экономический интерес. В этом плане вещь в сфере handmade выступает в несколько ином качестве: это скорее символический объект, целью создания которого в первую очередь является получаемое удовольствие — вначале от процесса производства, далее — от продукта, который «декорирует» собственное обживаемое таким образом пространство, делает его комфортнее или выступает «точкой коммуникативных манипуляций». Такая вещь, во-первых, создает повод для обсуждения, во-вторых, часто выступает предметом «дара». Но в любом случае она порождает интерактивное символическое поле.

Объект попадает в коммуникативное пространство уже в процессе «сборки». Инструктивный опыт по созданию обретается в порядке обращения к Другому: либо непосредственно, либо посредством различного рода мастер-классов (инструкций, в том числе пошаговых, видеоуроков и т. д.). Зачастую коммуникация усиливается в ходе созидательного процесса, поскольку handmade-производство требует разделенного удовольствия. Оно допускает модификации, что, в частности предполагает обсуждение возможностей, и наконец, в качестве точки наивысшей коммуникативной манипуляции производит демонстрацию готового продукта.

Handmade-изделия часто оказываются предметами дарения. Феномен дара первым проанализировал М. Мосс [6], в «Очерке о даре», а также работы Б. Малиновского и других классиков легли в основу теории экономики дара, которая развивается сегодня в рамках экономической антропологии [7]. Согласно этой теории дарение не является совершенно свободным актом, это особого рода обязательство, ведущее за собой новое обязательство ответного дарения. Разбирая представления различных племен и народов, исследователи увидели в дарообмене особое символическое значение, необходимое для сохранения целостности сообщества и его культуры. Подаренная вещь несет на себе отпечаток души дарителя, который, сохраняя свою власть над ней, обретает власть и над получателем. Подаренный объект, таким образом, становится материальным воплощением нерушимой связи между людьми, подтверждением социального контракта.

Поскольку создание запоминающихся подарков зачастую и является стимулом к занятиям handmade, то рассмотрение подобных ситуаций в терминах экономической антропологии особенно актуально. В частности, термин «неотчуждаемое владение», который использовали американский антрополог Аннет Вайнер и французский исследователь Морис Годелье, вполне может быть применим к практике handmade. В своих исследованиях феномена дара Вайнер сместила акцент с экономической составляющей обмена ценностями на коммуникативную, акт дарения при таком подходе рассматривается в первую очередь как конструирующий социальное. Подробно Вайнер излагает свою позицию в работе «Неотчуждаемая собственность: феномен одновременного дарения и обладания», критикуя традиционный взгляд. Автор рассматривает дар без учета его рециприкорности (возможности отдаривания), а как способ «сохранить нечто, выведенное из процессов обмена. Это нечто есть собственность, которая свидетельствует об идентичности индивида или группы, и этим утверждает различие между людьми или группами. Так как собственник неотчуждаемого устанавливает различия, он привлекает другие виды богатства» [8, p. 43]. Интересно, что такой подход может адекватно описать при-

нятую в нашем культурном пространстве истину: «Лучший подарок — подарок, сделанный своими руками».

Дарение handmade-изделий оказывается в таком случае актом создания глубоко частных социальных связей. В современной культуре материальное наличествует в избытке, и потому символическое значение любого подарка особенно ощутимо. Подарок на день рождения или Новый год сегодня можно рассматривать не только как способ подтверждения дружеских отношений, это социальная обязанность индивида, устойчивая культурная традиция, делающая дар не таким уж и добровольным. Подарки handmade снимают с дарения налет обязанности, поскольку, как и любой результат ручного труда, воспринимаются как проявление творческой воли человека. Будучи связанными с создателем через реальное прикосновение, handmade-подарки становятся медиаторами, проводниками более близких отношений. Это одновременно инструмент конструирования и маркер социального взаимодействия, а следовательно, и гибкости идентификационных границ индивида или сообщества.

Эмоциональная и символическая значимость предметов, их роль в выстраивании и репрезентации социальных связей, особенности деятельности, в частности игнорирование экономической целесообразности, — эти яркие черты, присущие современному handmade, делают его интересным объектом для исследования в рамках экономической антропологии.

Помимо вышесказанного следует указать, что в сфере handmade в целом нет возрастных и половых ограничений: она исключительно многопланова и включает как традиционно мужские, так и женские виды «рукоделия». При этом она позитивна, что дает возможность говорить об определенном «терапевтическом эффекте», хотя и имеющем персональную ориентированность. Мужчина, вяжущий ажурные изделия крючком, женщина, сваривающая вполне добротную и функциональную стальную конструкцию, ребенок, плетущий сложные «фенечки» из бисера, одинаково получают удовольствие от процесса деятельности, признания результатов труда, возможности обсудить его с другими, наконец, осуществить «дар». В ряде случаев мы наблюдаем за действиями людей, которым увлечение handmade дает возможность психологической компенсации. Особенно ярко это выражено у взрослых, «недополучивших» в детстве того, что позволяют современные обстоятельства. Сырье, инструменты, технологии, отсутствовавшие в собственном детстве, заставляют «мам и пап» приобретать все возможное для детского творчества. Далее происходит и коммуникативное удовольствие от общения с собственными детьми, но, помимо этого, увлеченное созидание, при котором ребенок может быть фактически отстранен от процесса, оставаясь лишь наблюдателем. Зато взрослый сам становится ребенком, занимает его место, но не теряет при этом функций наставника. Современный «мир детства» в этом плане оказывается гораздо более «открытым»: индустрия «детства» развита великолепно, да и тратить семейный бюджет в данном случае оказывается более комфортно, ведь «нельзя же экономить на детях».

Другие возможности для компенсации может дать и выбор создаваемых объектов: например, возможность безболезненно перейти границы гендерных ограничений, но наиболее ярко, пожалуй, происходит преодоление границ дисциплинарных практик. В частности, сравнительно новой дисциплины тела, предусматривающей

определенность режимов регламентаций. Лучше всего это видно на примере пищевых ограничений. В ответ на них появляется безупречный и чистый «диетический» продукт — образы еды. Это могут быть вязаные пирожные, сшитые предметы для чаепития, вышитые панно-натюрморты и т. д. О том, как позиционируют подобные изделия их авторы, мы можем легко узнать, заглянув на интернет-страничку мастер-классов: «Такие вкусности никогда не прибавят калорий и после них не нужно будет садиться на диету и велотренажер. Вязаные пирожные и тортики сделаны из натуральных материалов. Самое диетическое пирожное, которое можно найти. Может послужить для украшения кухни родителей или для игровой кухни для малышей» [9]. Эти изделия можно оставить себе или опять-таки подарить, что позволит другим присоединиться к данной «диете», перенесет удовольствие от «десерта» в безопасное пространство созерцания прекрасного. Дар здесь будет и приглашением разделить с дарителем стиль его жизни.

Итак, несмотря на то что в целом деятельность handmade направлена в большей степени на процесс создания вещи, а не на результат, предметы, получившиеся в итоге, приобретают исключительный статус несерийных, персонифицированных вещей, «сохраняющих прикосновение» автора. Достигается этот эффект зачастую с помощью незначительного несовершенства, этот дефект становится маркером прирученности, освоенности вещи как части мира.

Этот статус handmade-изделий становится особенно важен при дарении. В акте дарения собственного произведения возникает передача символического объекта, содержащего «кусочек души», репрезентирующий автора. Здесь возникает опыт соприкосновения с Другим: любой подарок — это приручение, обретение некоторой власти над ним. Но если это еще и «самоделка», то она оказывается активным объектом, поскольку жаждет захвата не столько в порядке ожидания ответных эквивалентных/неэквивалентных даров, сколько чувственной привязанности, истинной «благо-дарности» и разделенного обладания. Это становится претензией на зависимость Другого, ограниченной допускаемой для каждого случая отдельно степенью близости. В этом плане уникальная единичность дара отчетливо противопоставляется серийной вещи.

Литература

1. Сурова Е. Э., Васильева М. А. Явление handmade: досуговый проект в современной культуре // Обсерватория культуры. 2015. № 6. С. 14–21.
2. Философия языка / ред.-сост. Дж. Р. Серл; пер. с англ. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2010. 264 с.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 222 с.
4. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. NewYork: Prentice-Hall, 1963. 320 p.
5. Сурова Е. Э. Идентичность. Идентификация. Образ. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2010. 268 с.
6. Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература РАН, 1986. С. 85–111.
7. Белик А. А. Экономическая антропология в конце XX — начале XXI в.: экономика дара // Экономический журнал. 2013. Т. 29, вып. 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-antropologiya-v-kontse-xx-nachale-xxi-v-ekonomika-dara> (дата обращения: 25.11.2015).
8. Weiner A. Inalienable Possessions: Paradox of Keeping-while-Giving. Berkeley, 1992. 232 p.
9. Блог о рукоделии. URL: <http://www.liveinternet.ru/tags/%E2%FF%E7%E0%ED%FB%E5+%EF%E8%F0%EE%E6%ED%FB%E5/> (дата обращения: 20.11.2015).

Для цитирования: Сурова Е. Э., Васильева М. А. Репрезентация несерийного в практике handmade // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 2. С. 118–125. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.212

References

1. Surova E. E., Vasileva M. A. Iavlenie handmade: dosugovyi proekt v sovremennoi kul'ture [Phenomenon of handmade: leisure project in modern culture]. *Observatoriia kul'tury* [Observatory of Culture], 2015, no. 6, pp. 14–21. (In Russian)
2. *Filosofiia iazyka* [The philosophy of language]. Ed. by J. R. Searle. London, Oxford University Press, 1971. 264 p.
3. Bodriiar Zh. *Sistema veshchei* [The System of Objects]. Moscow, Rudomino Publ., 1995. 222 p. (In Russian)
4. Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. New York, Prentice-Hall Publ., 1963. 320 p.
5. Surova E. E. *Identichnost'. Identifikatsiia. Obraz* [Identity. Identification. Image]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2010. 268 p. (In Russian)
6. Moss M. Ocherk o dare [Essay on the gift]. *Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii* [Company. Exchange. Personality: Proceedings of Social Anthropology]. Moscow, Eastern Literature RAS Publ., 1986, pp. 85–111. (In Russian)
7. Belik A. A. Ekonomicheskaiia antropologiiia v kontse XX nachale XXI v.: ekonomika dara [The economic anthropology in the late 20th and early 21st centuries: the Economics of gift]. *Ekonomicheskii zhurnal* [Journal of Economics], 2013, vol. 29, no. 1. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-antropologiya-v-kontse-xx-nachale-xxi-v-ekonomika-dara> (accessed 25.11.2015).
8. Weiner A. *Inalienable Possessions: Paradox of Keeping-while-Giving*. Berkeley, 1992. 232 p.
9. *Blog o rukodelii* [Blog about handmade]. Available at: <http://www.liveinternet.ru/tags/%E2%FF%E7%E0%ED%FB%E5+%EF%E8%F0%EE%E6%ED%FB%E5/> (accessed 20.11.2015).

For citation: Surova E. E., Vasilyeva M. A. Representation of non-seriality in handmade practice. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Ser. 17. Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies*, 2016, issue 2, pp. 118–125. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.212

Статья поступила в редакцию 1 марта 2016 г.